

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТЪ

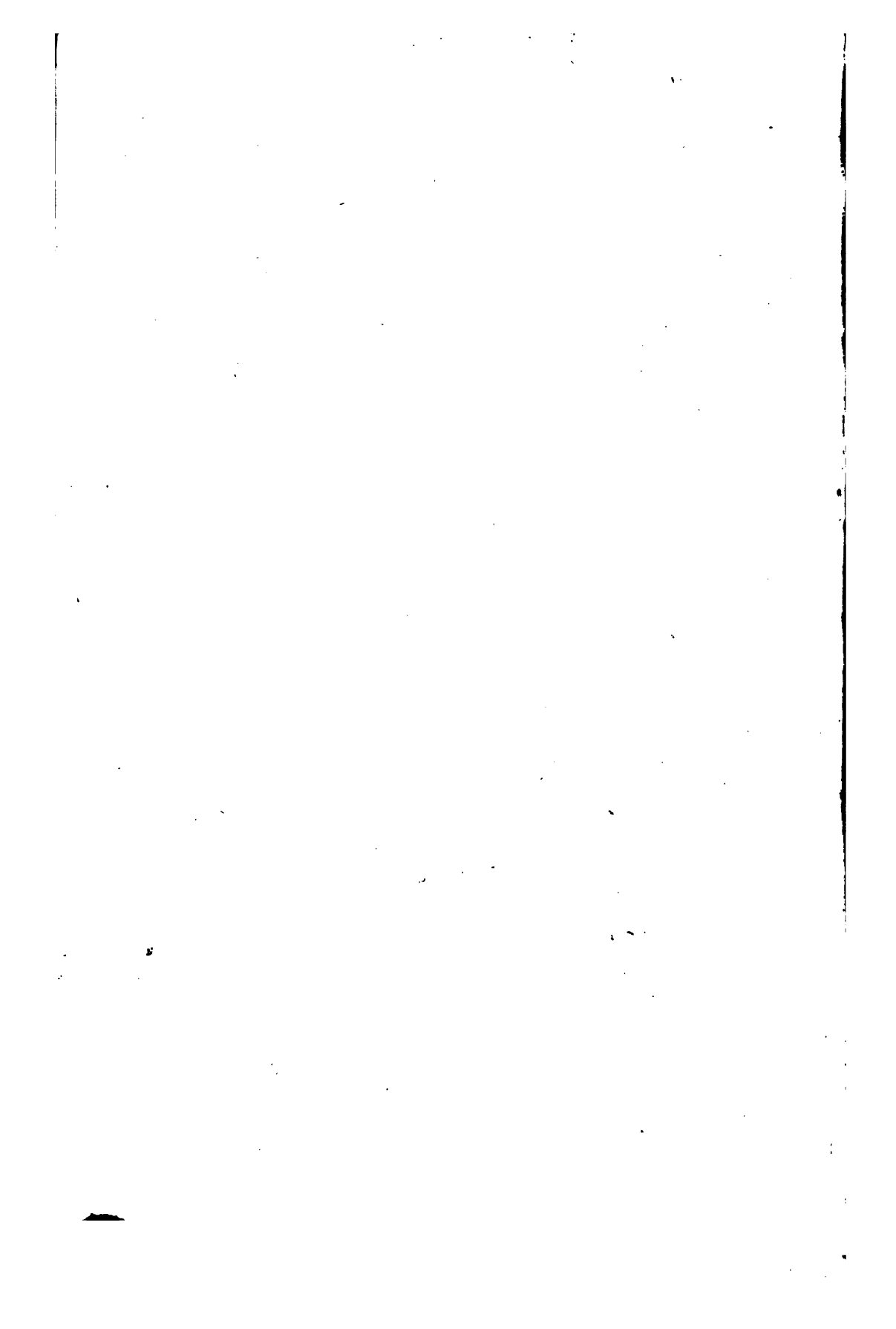
II ПИСЕМЪ (1872—1882 г.)

А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТЪ

ИЗДАНИЕ

А. СУВОРИНА

Типографія А. С. Суворина Ртелевъ пер. д. 11—2

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

11 ПИСЕМЪ

(1872.—1882 гг.)

А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТА

9562

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

1882

Slav 3099.37.10

✓

Keller

I.

1872 — 1882 г.

Вы хотите, чтобы я писалъ вамъ о нашемъ деревенскомъ житьѣ-бытьѣ. Исполняю, но предупреждаю, что рѣшительно ни о чемъ другомъ ни думать, ни говорить, ни писать не могу, какъ о хозяйствѣ. Всѣ мои интересы, всѣ интересы лицъ, съ которыми я ежедневно встрѣчаюсь, сосредоточены на дровахъ, хлѣбѣ, скотѣ, навозѣ... Намъ ни до чего другаго дѣла нѣтъ.

5-го февраля я праздновалъ годовщину моего прибытія въ деревню. Вотъ описаніе моего зимняго дня.

...Полужинавъ, я ложусь спать и, засыпая, мечтаю о томъ, что черезъ три года у меня будетъ тринадцать десятинъ клеверу намѣсто облога, которыя я теперь подымаю подъ ленъ. Во снѣ я вижу стадо пасущихся на клеверной отавѣ холмогоровъ, которыя народятся отъ бычка, обѣщаннаго мнѣ однимъ извѣстнымъ петербургскимъ скотоводомъ. Просыпаюсь съ мыслью о томъ, какъ бы прикупить сѣнца подешевле.

Проснувшись, зажигаю свѣчку и стучу въ стѣну—баринъ, значить, проснулся, чаю хочетъ. «Слышу!» отвѣчаетъ Авдотья и начинаетъ возиться съ самоваромъ. Пока баба ставитъ самоваръ, я лежу въ постели, курю папирскую, мечтаю о томъ, какая отличная пустошь выйдетъ, когда срубятъ проданный мною нынче лѣсъ. Помечтавъ, покуривъ, надѣваю валенки и полушубокъ. Домъ у меня плоховать: когда вытопятъ печи, въ вечеру жарко до-нелзя, къ утру холодно, изъ-подъ полу дуетъ, изъ дверей дуетъ, окна замерзли, совершенно какъ въ крестьянской избу. Я-было сначала носилъ нѣмецкій костюмъ, но скоро убѣдился, что нелзя, и началъ носить валенки и полушубокъ. Тепло и удобно. Наконецъ, баба, позвывая, несетъ чай. Одѣта она, какъ и я, въ валенки и полушубокъ.

— Здравствуй, Авдотья. Ну, что?
— А ничего!
— Холодно?
— Не то чтобы очень; только мятеть.
— Иванъ ушелъ на' скотный?
— Давно ушелъ: чай ужъ кормъ задали.
— Что это Лыска вчера вечеромъ лаяла?
— А Богъ ё знаетъ. Такъ, ничего. Волки, должно, близко подходили.

Я заказываю обѣдъ. Авдотья, жена старосты Ивана, у меня хозяйка въ домѣ. Она готовить мнѣ кушанье, моетъ бѣлье, завѣдуетъ всѣмъ хозяйствомъ. Она же доитъ коровъ, завѣдуетъ молочнымъ скотомъ, бьетъ масло, собираетъ творогъ. Авдотья — главное лицо въ моемъ женскомъ персоналѣ и всѣ другія бабы ей подчинены, за исключеніемъ „старухи“, которая хозяйкой въ застольной.

Обѣдъ заказанъ. Баба уходитъ. Я пью чай и мечтаю о томъ, какъ будетъ хорошо, когда нынѣшнею весной вычистятъ низины на пустошахъ и облогахъ, черезъ что покосъ улучшится и сѣна будетъ больше.

Пью чай, курю и мечтаю. Иванъ староста пришелъ; одѣтъ въ валенки и полушубокъ.

— Здравствуй, Иванъ. Ну, что?
— Все слава Богу. Кормъ скоту задали. Корова бурая бѣлобокая телилась.
— А! Благополучно?
— Слава Богу. Схолилась какъ слѣдуетъ. Въ маленькій хлѣвочъ поставили.

— Телечку телила?
— Телочку—буренькая, бѣлоспиная... Ничего телочка.
Я достаю изъ стола записную книгу, записываю новорожденную телочку въ списокъ нынѣшнихъ телятъ: $\frac{№ 5}{72}$ бурая бѣлоспиная телечка $\frac{8}{II}$ 72 отъ № 10^а и смотрю по календарю, когда телочкѣ будетъ шесть недѣль, что отмѣчаю въ книгѣ.

— Что, хорошо съѣли вечернюю дачу?
— Хорошо съѣли, только бѣлье осталось. Пустошное сѣно, сами изволите посмотрѣть, роговой скотъ хорошо будетъ съѣдать; кроме бѣлья ничего не останется, потому въ немъ вострепу нѣтъ.
— Что это Лыска вчера вечеромъ лаяла?
— Такъ, ничего. Волки, должно, подходили.
Молчаніе. Говорить больше не о чемъ. Иванъ, выждавъ, сколько

требует приличіе, и видя, что говорить больше нечего, беретъ чайную посуу и уходитъ къ Авдотѣ пить чай.

Послѣ чая я или пишу, или читаю химическіе журналы, собственно, впрямь, для очищенія совѣсти: неловко какъ-то, занимавшись двадцать лѣтъ химіей, вдругъ бросить свою науку. Но не могу не сознайся, что очень часто, читая статью о какомъ нибудь паро-хлоръ-геттадуйдинѣ, я задумываюсь на самомъ интересномъ мѣстѣ и начинаю мечтать, какъ бы хорошо было, еслибы удалось будущей осенью купить пудовъ 500 жмаковъ... навозъ-то какой былъ бы!

Бутрѣло. Кондитеръ Савельичъ пришелъ печи топить. У меня нечитопить кондитеръ, настоящій кондитеръ, который умѣетъ дѣлать настоящіе конфеты. Попалъ этотъ кондитеръ ко мнѣ случайно. Когда-то, лѣтъ пятьдесятъ или шестьдесятъ тому назадъ—за старостью, кондитеръ самъ позабылъ сколько ему лѣтъ—Савельичъ учился кондитерскому ремеслу въ одной изъ лучшихъ кондитерскихъ въ Москвѣ, былъ кондитеромъ въ одномъ изъ московскихъ клубовъ, потомъ былъ взятъ помѣщикомъ въ деревню, гдѣ проходилъ различныя должности: былъ поваромъ, кучеромъ, буфетчикомъ, выезднымъ лакеемъ, истопникомъ, судомойкой и т. п. Жениться Савельичъ не успѣлъ, хозяйствомъ и семействомъ не обзавелся, собственности не приобрѣлъ—у господъ былъ всегда на застольной—подъ старость оглохъ и по несчастному случаю потерялъ челюсть, которую ему вынулъ какой-то знаменитый хирургъ, вызванный изъ-за границы для пользованія одного богатаго больного барина. Случилось какъ разъ въ это время, что Савельичу ударомъ какого-то механизма на круподернѣ, гдѣ онъ дралъ крупу, раздробило лѣвую челюсть; сдѣлалась рана, и раздробленную челюсть пришлось вынуть, что и исполнилъ знаменитый хирургъ. Операция удалась. Савельичъ остался живъ и исправно жуетъ одною челюстью. Одинадцать лѣтъ тому назадъ, Савельичъ сдѣлался вольнымъ и съ тѣхъ поръ жилъ все больше около церкви. Сначала былъ церковнымъ старостой, потомъ ходилъ съ книжкой собирать на церковь. Послѣдніе же два года Савельичъ жилъ какъ птица небесная, со дня на день, перебиваясь кое-какъ. Лѣтомъ и осенью нанимался за мужиковъ караулить церковь, за что очередной дворъ давалъ ему харчи и платилъ по 5 копеекъ за ночь, варилъ иногда купцамъ въ городѣ варенье, за что ему тоже перепали кое-какія деньжонки. Зимой же—самое трудное для Савельича время—жилъ на капиталъ, заработанный лѣтомъ. Квартировалъ на своихъ харчахъ у какого нибудь знакомаго мужика и за квартиру помогалъ мужику въ домашнихъ работахъ—за водой сходить, дровъ нарубить, люльку качаетъ—старикъ во дворѣ никогда не лишній; кормился же своимъ кондитерскимъ ремесломъ: купить на зара-

ботанныя лѣтомъ деньги нѣсколько фунтовъ сахару, надѣлаю леденцовъ и носить по деревнямъ (разумѣется, безъ торговаго сидѣтельства). Дастъ старухѣ конфекту для внучатъ—она его накопитъ. Разумѣется, плохо ѣлъ всегда, голодалъ иногда, но милостыни, поворить, не просилъ. Ко мнѣ Савельичъ попалъ такимъ образомъ: заожу какъ-то въ прошедшемъ году великимъ постомъ въ избу, гдѣ живутъ работники и работницы, вижу сидитъ, въ одной рубахѣ, высокій худой, истощенный отъ плохаго харча, лысый старикъ и третъ въ еревянной ступѣ табакъ. „Кто это?“ спрашиваю.—„А старикъ“, говоритъ староста, „по знакомству зашелъ; я ему табакъ далъ стереть—пробѣ даетъ за это съ нами“. Подъ вечеръ, отдавая отчетъ по хозяйству староста заговорилъ о старикѣ, рассказалъ, что старикъ бывшій дворовый, что онъ кандитеръ, при госнодахъ живалъ, господскіе порядки знать и попросилъ позволенія пригласить старика къ свѣтлому празднику разговѣться, „а онъ за это поможетъ Авдотѣ къ празднику столъ готовить“, прибавилъ староста. Я, разумѣется, позволилъ. Авдотья была въ восторгѣ, что старикъ придетъ къ празднику и поможетъ ей все приготовить хорменно (форменно), какъ у господъ бываетъ. Чтобы все было хорменно, какъ у господъ,—это конѣкъ Авдотьи.

Поселившись въ деревнѣ, я рѣшился не заводить ни кучеровъ, ни поваровъ, ни лавсеевъ, то-есть, всего, что составляетъ принадлежность помѣщичьихъ домовъ, что было одною изъ причинъ раззоренія небогатыхъ помѣщиковъ, неумѣвшихъ послѣ „Положенія“ повести свою жизнь иначе, чѣмъ прежде, что было одною изъ причинъ, почему помѣщики побросали хозяйства и убѣжали на службу. Поселившись въ деревнѣ, я повелъ жизнь на новый ладъ.

Въ имѣніи я нашелъ старосту; у старосты, разумѣется, оказалась баба, которая вела его хозяйство, готовила ему кушанье, мыла бѣлье. Я перемѣстил старосту съ бабой изъ избы въ домъ и сдѣлалъ Авдотью моею хозяйкой, кухаркой, прачкой. По хозяйству—молочное дѣло, выпойка телятъ и пр.—учить ее мнѣ было не чему: я самъ у нея учусь и долженъ сознаться, что отъ нея научился гораздо большому, чѣмъ по книгамъ, гдѣ говорится, что „у молочной коровы голова бываетъ легкая, съ тонкими рогами, ноги тонкія, хвостъ длинный и тонкій, кожа и волосы мягкіе и нѣжные, вообще-же весь видъ *женственный* и пр.“; но по части кухни я ей нѣсколько помогъ. При помощи моей (недаромъ-же я химикъ: все-таки, и въ поваренномъ дѣлѣ могу понять суть), Авдотья, обладающая необыкновенными кулинарными способностями и стараніемъ, а также присущими каждой бабѣ знаніями, какъ слѣдуетъ печь хлѣбъ, дѣлать щи и пироги, стала отлично готовить мнѣ кушанье и разные запасы на зиму—пикули, ма-

ринованные грибки, наливки, консервы изъ рыбы и раковъ, варенье, сливочные сыры. Я ей объяснилъ, что при приготовленіи сиропа изъ ягодъ, главное—варить до такой степени, чтобы, подъ вліяніемъ кислоты, кристаллическій сахаръ перешелъ въ виноградный и сиропъ стухнулся настолько, чтобы броженіе не могло происходить; объяснилъ, что гніенія въ консервахъ, плѣсени въ никуляхъ и проч., какъ показалъ Пастёръ, не будетъ, если изъ воздуха не попадутъ зародыши низшихъ организмовъ; объяснилъ дѣйствіе высокой температуры на зародыши, бѣлковину и т. п. Все это Авдотья прекрасно поняла. Все идетъ у насъ отлично: и масло выдѣлываемъ превосходное, и бархатный сливочный сыръ дѣлаемъ такой, что Эрберу не грѣхъ было бы подать своимъ посѣтителемъ, и раковъ маринуемъ, и ветчину солимъ, и гусей коптимъ, и колбасы чинимъ, и рябчиковъ жаримъ не хуже, чѣмъ у Дюссо. Въ одномъ только мы съ Прохоровной не сходимся: я забочусь только о вкусѣ, а она, кромя того, и о томъ, чтобы все было форменно, какъ у господъ бываетъ, чтобы насъ не осудили. Кандитеръ, который жила въ приходахъ, былъ для нея истинною находкой, и она съ волненіемъ ожидала, разрѣшу ли я пригласить кандидера къ свѣтлому празднику: праздникъ большой, ночи пріѣдутъ, а у насъ не форменно будетъ.

Кандитеръ пришелъ за три дня до праздника. Зарѣзали барана; я съѣзжалъ на станцію и купилъ крупчатки, сандалу, изюму, миндаля,—началась стряпня; кандитеръ вырѣзалъ изъ разноцвѣтной бумаги украшенія для кулича и бараньяго окорока; я, вмѣстѣ съ однимъ изъ друзей химиковъ, пріѣхавшимъ изъ Петербурга ко мнѣ въ гости на праздникъ, сдѣлали изъ розовой чайной бумаги цвѣтокъ розанъ, надушили его превосходными духами и воткнули въ куличъ. Все вышло отлично,—и куличъ, и пасха, и поросенокъ, и баранина, а главное, все было форменно и передъ попами мы не ударили лицомъ въ грязь. Авдотья была на верху блаженства и ходила съ сіяющимъ лицомъ, наряженная въ яркій сарафанъ. Кандитеръ только сплеховалъ—взялся онъ сдѣлать какой-то сладкій англійскій тортъ, но тортъ не вышелъ, то есть, вышелъ очень плохъ. Замѣтивъ на другой день, что все было съѣдено, за исключеніемъ англійскаго торта, кандитеръ такъ сконфузился, что, не говоря ни слова, куда-то скрылся.

Лѣтомъ кандитеръ жилъ гдѣ-то при церкви, недалеко, верстахъ въ десяти отъ меня. Я про него забылъ совершенно. Только въ августѣ, когда понадобился сторожъ для озимей, картофеля и гороха, я вспомнилъ про кандидера. Дай, думаю, возьму его къ себѣ на зиму—не объѣстъ вѣдь, а все что нибудь въ домѣ сдѣлаетъ. Съ ав-

густа кандитеръ поселился у меня и оказался очень полезнымъ человекомъ: осенью горохъ и картофель караулилъ, лошадей чужихъ съ озами выгоналъ, конечно, ни одной лошади въ потравѣ не поймалъ (старъ, отъ худыхъ харчей съ тѣла спалъ и силу потерялъ), но все-таки полевой сторожъ, — мужики опаску имѣютъ и лошадей такъ зря не пускаютъ, а если зайдетъ какая по нечаянности, старикъ выгонитъ. Осенью домъ конопатилъ, двойныя рамы вставлялъ. Теперь печи топить, Авдотѣ помогаетъ, комнаты убираетъ, кошеекъ школить, если провинится, платье чистить, посуду моетъ, а иногда конфетъ дѣлаетъ.

Кандитеръ затопилъ печи. Авдотья изъ-подъ коровъ пришла. Хлѣбы въ печь сажаютъ. Стряпать собирается. Пришелъ Иванъ.

— Что?

— Надумался за Дибиръ сегодня съѣздить. Сѣна не удастся ли дешево купить. Говорятъ, съ выкупными сильно нажимаютъ. Становой въ волости былъ. Теперь, по нуждѣ, сѣно, можетъ, кто продастъ, а то какъ заплата недоимки—не купишь, потому нынче и у крестьянъ корму вездѣ уменьшеніе.

— Какіе же теперь выкупные?

— Да это все осенніе, пеньковые выбиваютъ. Пеньку продали да не расплатились. Пеньки нынче плохи. Хлѣба нѣтъ. Другой пеньку продалъ, а подати и выкупные не уплатилъ, потому что хлѣба купилъ. Вотъ Федотъ кулъ-то бралъ—заплатилъ изъ того, что за пеньку выручилъ, а выкупные не внесъ. Теперь и нажимаютъ.

— Ну, поѣзжай, покупай сѣно. Да въ волость не заѣдешь ли? Что же наши оброки?

— Недавно былъ. Волостной обѣщалъ. Вотъ, говорить, казенные выберу,—за ваши примусъ. У Марченка самъ былъ.

— Ну, что-жъ?

— Да, что-жъ, ничего. Я ему говорю: что-жъ ты,—пеньку продалъ, а недоимку не несешь?

— Ну?

— Денегъ, говорить, нѣту. За пеньку двадцать рублей взялъ, пять осьминъ хлѣба купилъ — и хлѣбъ показалъ. Самъ, говорить, знаешь, что у меня шестеро дѣтей;—вѣдь ихъ кормить нужно. Это вѣдь, говорить, не скотина, не зарѣжешь да не съѣшь, коли корму нѣтъ. Что хочешь дѣлай, а корми.

— А другіе что?

— Другіе извѣстно что говорятъ: коли платить, такъ всеѣмъ платить поровну, что слѣдуетъ. Коли милость баринъ сдѣлаетъ съ Марченка подождать, такъ за что же мы будемъ раньше его платить.

У Марченка еще бычокъ есть — пусть продасть. Пороть его нужно. Народилъ дѣтей—умѣй кормить.

— Хорошо. Ну, поѣзжай съ Богомъ. Хлопочи насчетъ сѣна.

Полученіе оброковъ дѣло очень трудное. Кажется, оброкъ — вѣрный доходъ, все равно, что жалованье, но это только кажется въ Петербургѣ. Тамъ, въ Петербургѣ, худо ли, хорошо,—отслужилъ мѣсяцъ и ступай къ казначею, получай что слѣдуетъ. Откуда эти деньги, какъ они попали къ казначею — вы этого не знаете и спокойно кладете ихъ въ карманъ, тѣмъ болѣе, что вы думаете, что ихъ заслужили, заработали. Тутъ же не то; извольте получить оброкъ съ человѣка, который ѣстъ пушной хлѣбъ, который кусокъ чистаго ржанаго хлѣба несетъ въ гостинецъ дѣтямъ... Прибавьте еще къ этому, что вы не можете обольщать себя тѣмъ, что заслужили, заработали эти деньги...

Конечно, получить оброкъ можно,—стоитъ только настоятельно требовать; но вѣдь каждый человѣкъ—человѣкъ и, какъ вы себя ни настраивайте, однако, не выдержите хладнокровно, когда увидите, какъ рыдаетъ баба, прощаясь съ своею коровою, которую ведутъ на аукціонъ... Махнете рукой и скажете: подожду. Разъ, другой, а потомъ и убѣжите куда нибудь на службу; издали требовать оброкъ легче: напишете посреднику, скотъ продадутъ, раздирательныхъ сценъ вы не увидите...

Староста ушелъ. Я иду на скотный дворъ. Скотъ уже напоили и начинаютъ закладывать вторую дачу корма. Я захожу въ каждый хлѣвъ, смотрю, чисто ли сѣдана утренняя задача. Вторую задачу даютъ при мнѣ. Я смотрю, какъ скотъ ѣстъ, не отбиваютъ ли однѣ коровы другихъ, не слѣдуетъ ли которую поставить въ отдѣльный хлѣвокъ для поправки. Захожу въ телятникъ, въ овчарню, въ скотную избу, гдѣ, кромѣ скотника, скотницы (его жены) и ихъ семерыхъ дѣтей, помѣщаются еще новорожденные телята и ягнята.

Кромѣ старосты, у меня есть еще скотникъ Петръ съ женой Ховрой и дѣтьми. У скотника семеро дѣтей: Варнай — 14 лѣтъ, Аксинья — 11 лѣтъ, Андрей — 10 лѣтъ, Прохоръ — 8 лѣтъ, Солошка — 6 лѣтъ, Павликъ — 4 лѣтъ, Ховра — еще нѣтъ году. Все это семейство, до Солошки включительно, работаетъ безустанно съ утра до ночи, чтобы только прокормиться.

Самъ скотникъ Петръ лѣтомъ, съ 1-го мая по 1-е октября, пасетъ скотъ, зимой же, съ 1-го октября по 1-е мая, кормитъ и поитъ скотъ. Въ этой работѣ ему помогаютъ два старшіе сына, Варнай (14 лѣтъ) и Андрей (10 лѣтъ). Лѣтомъ, скотникъ, вставъ на зарѣ до солнечнаго восхода, выгоняетъ скотъ въ поле и при помощи двухъ

старших ребятъ (скота нынче будетъ 100 штукъ) пасеть его (младшій, Андрей, обыкновенно носить ружье противъ волковъ). Въ 11 часовъ онъ пригоняетъ скотъ на дворъ, гдѣ скотъ стоитъ до 3-хъ часовъ. Въ 4 часу онъ опять гонитъ скотъ въ поле и возвращается домой на ночь. И такъ изо дня въ день, въ теченіи цѣлаго лѣта, и въ будни, и въ праздники, и въ зной, и въ дождь, и въ холодъ. Для скотника нѣтъ праздника ни лѣтомъ, ни зимой; праздникъ отличается у него отъ будничныхъ дней только тѣмъ, что въ праздничные и воскресные дни онъ получаетъ порцію ($\frac{1}{100}$ ведра) водки передъ обѣдомъ. Зимой скотникъ, опять-таки при помощи двухъ старшихъ ребятъ, кормитъ и поитъ скотъ: вставъ до свѣту, онъ задаетъ первую дачу корма; когда обутрѣетъ, бабы доятъ скотъ, послѣ чего скотникъ поитъ скотъ, гоняя на водопой каждый хлѣвъ особенно. Послѣ водопоя онъ задаетъ вторую дачу корма, обѣдаетъ и отдыхаетъ. Подъ вечеръ, вторично поитъ скотъ и задаетъ третью дачу корма на ночь. Ночью зимой скотникъ не имѣетъ настоящаго покоя, потому что, не смотря ни на морозъ, ни на вьюгу, онъ въ теченіе ночи долженъ нѣсколько разъ сходить въ хлѣвы посмотреть скотъ, а когда коровы начнутъ телиться (декабрь, январь, февраль), онъ долженъ постоянно слѣдить за ними и всегда быть на чеку, потому что его дѣло принять телянка и принести его въ теплую избу. Старшіе ребята помогаютъ скотнику раздавать кормъ, и даже десятилѣтній Андрей работаетъ настоящимъ образомъ, по мѣрѣ своихъ силъ запрягаетъ лошадь, помогаетъ брату накладывать сѣно на возъ — самъ скотникъ Петръ въ это время носить кормъ мелкому скоту, потому что для мелкаго скота сѣно нужно выбирать, а въ этомъ на ребятъ положиться нельзя — водить лошадь и въ хлѣвахъ разносить кормъ и закладываетъ его въ ящики. Разумѣется, Андрей, по мѣрѣ силъ, забираетъ маленькія охалочки сѣна; но посмотрѣли бы вы, какъ онъ бойко ходитъ между коровами, какъ покрикиваетъ на быка — и быкъ его боится, потому что у Андрея въ рукахъ кнутъ. Лѣтомъ Андрей носитъ за отцомъ ружье, но при случаѣ и самъ выстрѣлитъ. Разъ, лѣтомъ, я былъ въ полѣ недалеко отъ стада, которое разсыпалось между кустами. Вдругъ слышу выстрѣлъ. Бѣгу на выстрѣлъ и вижу Андрей (ему тогда только-что десятый годъ пошелъ) держитъ въ рукахъ дымящееся ружье. „Въ кого ты стрѣлялъ?“ — „Въ волка.“ — „Гдѣ?“ — „Да вотъ за ровкомъ; выскочилъ изъ моложи по ту сторону ровка, остановился на бичажку, стоитъ и смотритъ на меня, лохматый такой, я и выстрѣлилъ.“ — „Какъ же ты стрѣлялъ?“ — ружье у скотника тяжелое, длинное, одноствольное, еще съ 12-го года французское, солдатское. „На сучекъ положилъ да и

выстрѣлилъ. Что-жь? Такъ и подралъ; да вонъ по полю дуетъ".
Дѣйствительно, смогрю, волкъ несется по паровому полю.

Жена скотника, скотница Ховра, доитъ коровъ имѣетъ съ Авдотсѣй и подоищицами, поитъ телятъ, кормитъ ягнятъ, готовитъ купанье для своего многочисленнаго семейства—одного хлѣба сколько нужно испечь—обмываетъ и обшиваетъ дѣтей. Въ этихъ работахъ ей помогаетъ старшая дочь, Асюта (12 лѣтъ), и младшая, Солошка (6 лѣтъ), специальная обязанность которой состоитъ въ уходѣ за маленькой Ховрой, которую она качаетъ въ люльки, таскаетъ на дворъ, забавляетъ и нянчить. Прокоръ (8 лѣтъ) тоже помогаетъ по хозяйству: онъ рубитъ дрова, и такъ-какъ сиденки у него мало, то онъ цѣлый день возится, чтобы нарубить столько дровъ, сколько нужно для отопления одной печи. Только Павликъ и маленькая Ховра ничего не дѣлаютъ.

За все это скотникъ получаетъ въ годъ 60 рублей деньгами, 6 кулей 6 мѣръ ржи, 2 куля овса, $1\frac{1}{2}$ куля ячменя, держитъ на моемъ борю корову и овцу, имѣетъ маленький огорождъ, который долженъ обработать самъ, получаетъ мѣсто для посѣва одной мѣрки льна и одной осьмины картофеля, получаетъ 2 порціи водки—на себя и на жену—по воскресеньямъ и праздникамъ, получаетъ творогу, молока снятого, скотиниъ, сколько будетъ моей милости дать (этого нѣтъ въ договорѣ). Такъ какъ скотнику на его семейство нужно не менѣе 11 кулей ржи въ годъ, то ему слѣдуетъ принудить еще 4 куля 2 мѣрки ржи, что составляетъ по нынѣшнимъ цѣнамъ 34 рубля. Такимъ образомъ, за расходомъ на хлѣбъ, у него изъ 60 рублей жалованья остается всего 26 рублей, изъ коихъ онъ уплачиваетъ за дворъ 20 рублей оброку (прежде, когда у него было меньше дѣтей, онъ платилъ 40 рублей), а 6 рублей въ годъ остается на покупку соли, постнаго масла, одежду.

Немного, какъ видите. Недорого оплачивается такой тяжелый трудъ, какъ трудъ скотника со всемъ его семействомъ. Изъ этого примѣра вы видите, что въ нашей мѣстности положеніе крестьянъ, получившихъ по $4\frac{1}{2}$ десятины надѣла, вовсе не блестящее, потому что будь какая нибудь возможность Петру жить на своемъ надѣлѣ, онъ, разумеется, не поналъ бы за такую плату въ должностъ скотника, гдѣ ему нѣтъ покоя ни днемъ, ни ночью. Съ другой стороны, и положеніе скотоводства у помѣщиковъ незавидное, потому что при теперешнемъ его состояніи нельзя дать большую плату скотнику, такъ какъ и при такой ничтожной платѣ за трудъ скотъ въ убытокъ. То-же самое можно сказать и относительно другихъ отраслей хозяйства. Помѣщичье хозяйство въ настоящее время ведется такъ плохо, даже

хуже, съ меньшимъ толкомъ и пониманіемъ дѣла, чѣмъ въ крѣпостное время, когда были хорошіе старосты-хозяева — что оно только потому еще кое-какъ и держится, что *чѣмъ на трудѣ баснословно мизин*. Кажется, немного получаетъ мой скотникъ, а и то ему заигрываютъ, и отказы я ему, сейчасъ-же найдется пятьдесятъ охотниковъ занять его мѣсто.

Я всегда съ удовольствіемъ бываю въ скотной избѣ. Мнѣ ужасно нравится этотъ „дѣтскій садъ“, гдѣ всѣ дѣти постоянно заняты, веселы, никогда не скучаютъ, не напризнаются, хотя въ „саду“ нѣтъ никакой „Gärtnerin“, которая выбивалась бы изъ силъ, чтобы занять дѣтей безполезными работами и скучными сантиментальными пѣсенками, какъ въ петербургскихъ дѣтскихъ садахъ, гдѣ на нѣмецкій ладъ дрессируютъ будущихъ гражданъ земли русской.

Осмотрѣвъ все на скотномъ дворѣ, потолковавъ съ скотникомъ, скотницей, полюбовавшись ребятами, телятами, агнятами — вы не можете себѣ представить, какъ милъ маленький Павликъ, когда онъ играетъ на полу съ агнятами — я возвращаюсь въ домъ. Авдотья, всѣ раскрасѣвшись, взволнованная, въ забвеніи чувствъ, отчасти даже сердитая, хлопочетъ около плиты, на которой все кипитъ и клопочетъ.

— Обѣдать буду подавать: готово.

— Подавай.

Авдотья накрываетъ столъ и подаетъ обѣдъ. Подавъ кушанье, она стоитъ и въ волненіи ждетъ, что я скажу — хорошо-ли. Въ особенности волнуется она, если подаетъ новое какое нибудь кушанье: въ эти минуты она находится въ такомъ-же возбужденномъ состояніи, какъ ученикъ на экзаменѣ, какъ химикъ, который дѣлаетъ сожженіе какого нибудь вновь открытаго тѣла. Она стоитъ и смотритъ на меня: что будетъ. Обыкновенно всегда бываетъ все очень хорошо. Авдотья на верху блаженства. Если-же случится, что у меня гости, то мнѣ даже жалко становится Авдотьи: она волнуется до такой степени, что у нея отъ расстройства нервъ дѣлается головная боль.

Вся жизнь Авдотьи заключается въ хозяйствѣ, которымъ она заѣдуетъ. Принимая все, начиная отъ неудавшагося масла и кончая худо-вымытымъ чулкомъ, въ сердцу, она вѣчно волнуется, страдаетъ и радуется. Скупа она до невозможности и бережетъ мое добро, какъ свое собственное. Честна безукоризненно. Откровенна, прямодушна, никогда не лжетъ, горда, самолюбива и вспыльчива до невѣроятности; она всегда была вольною и у нея нѣтъ тѣхъ недостатковъ, которыми отличаются бывшіе крѣпостные: никакого раболѣпства, подобострастія, фальши, заботности, страха, приниженности. Въ концѣ обѣда иногда является сюрпризъ — это кандитеръ сдѣлалъ что нибудь сладкое; „на

Закуску“, какъ говорить Авдотья! Съ кандитеромъ у насъ въ нѣкоторомъ родѣ дружба; насъ сближаетъ, какъ мнѣ кажется, сходство положеній, что мы оба тайнѣ чувствуемъ, хотя никогда другъ другу не высказывались. Весь мой хозяйственный персоналъ—староста, скотникъ, лѣсничій, работникъ, хозяйка, скотница, старуха, подошницы—изъ мужиковъ; одинъ только кандитеръ Савельичъ изъ дворовыхъ, изъ старинныхъ дворовыхъ, изъ природныхъ дворовскихъ, какъ говорить Авдотья. Вслѣдствіе этого, Савельичъ, точно такъ-же какъ и я, баринъ, пользуется особеннымъ уваженіемъ, оказываемымъ „бѣлой кости“. Савельичу, точно такъ-же какъ и мнѣ, даже староста говорить „вы“. Савельичъ сознаетъ свою родовитость, свое превосходство по происхожденію и держитъ себя соответственно, серьезно, строго, особнякомъ, потому что „коли ты архіерей, то и будь архіереемъ“. Вотъ, значить, первая точка сближенія. Савельичъ человѣкъ бывалый, много жилъ, много видѣлъ, всего испыталъ, живалъ при господахъ разныхъ, у генерала служилъ, бывалъ и въ Москвѣ, и въ Питерѣ, царя видѣлъ. Я, баринъ, тоже человѣкъ бывалый, много жилъ, много видѣлъ, бывалъ въ положеніяхъ разныхъ, а главное, когда-то былъ военнымъ, что особенно уважается народомъ: „былъ военнымъ, значить, видалъ виды, всего попробовалъ, всего натерпѣлся и холоду и голоду, можетъ, и пороли въ корпусѣ“. Это вторая точка сближенія. Савельичъ убѣжденъ, что только онъ, человѣкъ бывалый, при господахъ служившій, понимаетъ господское обхожденіе, что только онъ знаетъ, что и какъ мнѣ нужно. Савельичъ убѣжденъ, что если я разговариваю съ другими, если я доволенъ услугами мужиковъ, составляющихъ мой хозяйственный и вмѣстѣ съ тѣмъ придворный штатъ, то только по снисходительности, вслѣдствіе моей простоты. Долженъ сознаться, я самъ чувствую къ Савельичу особенное расположеніе и именно вслѣдствіе сходства нашихъ положеній, сходства, Савельичу неизвѣстнаго. Я—отставной профессоръ; онъ—отставной кандитеръ. Вмѣсто того, чтобы читать лекціи, возиться съ фенолами, крезолами, бензолами, руководить въ лабораторіи практикантами, я продаю и покупаю быковъ, дрова, ленъ, хлѣбъ, возжусь съ телятами и поросятами, учу Авдотью дѣлать пикули, солить огурцы, чинить колбасы. Онъ, Савельичъ, вмѣсто того, чтобы дѣлать конфеты, пирожки, безе, зефиры—нараулить горохъ, гоняетъ лошадей изъ зелени, топить печи. Масса специальныхъ знаній, приобретенныхъ многолѣтнимъ трудомъ, остается безъ приложенія какъ у меня, такъ и у него. И онъ, и я многое забываемъ, отстаемъ. Разница только въ томъ, что я еще недавно бросилъ свою специальность и потому не все забылъ, могъ бы, пожалуй, еще возвратиться къ старымъ занятіямъ,